

УДК 82:802/809

ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «СТАРОСВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ»

© 2009 г.

С.В. Синцова

Казанский государственный энергетический университет

esintsov@mail.ru

Поступила в редакцию 25.06.2009

Анализируются художественные образы мужского и женского гендеров, созданные Гоголем в первой повести цикла «Миргород». Выявлено, что отношения главных персонажей построены на стремлении женского начала подчинить себе мужское, превратив мужа в подобие покорного ребенка. Достигается это замещением воспоминаний Афанасия Ивановича о молодости – главном источнике свободолюбия – воспоминаниями об умершей жене. Достигнув своей цели столь страшной ценой, Пульхерия Ивановна становится символическим воплощением смерти и разрушения.

Ключевые слова: гендерная проблематика, мистические оттенки, быт, покорность ребёнка, свободолюбие, смерть, жизнь.

Гендерная проблематика в творчестве Н.В. Гоголя изучена фрагментарно и в специфических ракурсах. Устойчивый интерес к ней возник в начале XX века. Так, А. Белый в книге «Мастерство Гоголя» констатирует предельную контрастность женских образов («сквозная красавица» и «ведьма-труп») в раннем творчестве писателя и намечает две основные причины такого видения женщины. Одна причина общекультурного плана – включение женских персонажей в «вертикаль», от эмпирия – до ада – «сквозь землю» [1, с. 165]. Другая причина – противоречивое чувство самого Гоголя к женщине: «поперечивающего себе бесовски-сладкого чувства к ней, подставляющего вместо реальной женщины небесное видение и тяжело-весную дуру Агафью Тихоновну» [1, с. 295]. Белый намечает и общую тенденцию в гоголевском творчестве: постепенно яркая противоречивость женских образов ослабевает, и крайности, свойственные подобным персонажам, совмещаются в тривиальном «ух, какая женщина!». В таком взгляде писателя А. Белый видит истоки влияния Н.В. Гоголя на творчество А. Блока.

Перекликаются с идеями А. Белого наблюдения Д.С. Мережковского [2]. Он констатирует в женских образах Гоголя парадоксальное сочетание отрешенности от земного, сходное с христианской духовностью, и «языческого» начала, выражающегося, в частности, в «оргийном сводке чувственности» («Вий»). Одной из форм соединения этих начал, как считает Д.С. Мережковский, становится образ прозрачной бе-

лизны женского тела, подобного телам древних богов, плоть которых быта мистически-реальной и одухотворенной.

В этом ряду размышлений – и догадки В.В. Розанова о связи женских персонажей и смерти в творениях великого писателя (образы прекрасных покойниц) [3]. В этом он усматривает «половую загадку Гоголя». Его подход получил в дальнейшем довольно активное развитие в психоаналитических исследованиях, посвященных Гоголю. Они имеют к литературоведческой проблематике весьма косвенное отношение, поскольку рассматривают произведения писателя, созданные им образы как материал для выявления различных психических и сексуальных комплексов у гения русской литературы, таких как автоэротизм, отношение к женщине как к отцу и «эфирному лону», вытесненный половой инстинкт, женственность как поведенческую черту (И.Д. Ермаков, И.И. Гарин и др.). М. Вайскопф рассматривает сквозную метафору «собачьей свадьбы» в «Женитьбе» как проявление фрейдистских комплексов вражды к соитию и деторождению [4].

Тенденцию включения женского и мужского в произведениях Н.В. Гоголя в культурно-религиозные контексты продолжает С.А. Гончаров [5]. Он пытается связать трансформации мужского и женского в «Вечерах...» с представлением автора о «бисексуальной природе абсолюта» и «мистическим аспектом половой дифференциации».

Все эти исследования свидетельствуют о довольно устойчивом интересе Н.В. Гоголя к об-

разам мужского и женского, их «культурным проекциям», которые принято называть в современной науке термином «гендер». Очевидно, писателя они интересовали не только как женские и мужские персонажи. Его взгляд на «культурные проекции» пола был значительно шире и обладал собственно художественным качеством, тяготел к масштабным обобщениям. Именно эти особенности гендерной проблематики в произведениях Гоголя интересуют нас в первую очередь.

Главной задачей анализа стало выявление художественного качества мужского и женского гендеров и связанных с ними потенциальных (то есть возможных и глубоко скрытых) смысловых образований в повести «Миргород».

В таком плане указанную повесть литературоведы пока не рассматривали. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть весьма подробный обзор И.А. Есаулова – одного из ведущих специалистов, изучающих цикл «Миргород» [6]. Он констатирует, что внимание исследователей преимущественно сосредоточено на «социальной принадлежности» персонажей в «ущерб всем другим сторонам их жизни» (А.М. Докусов, В.Ф. Переверзев). Попытки частично воссоздать более сложное авторское отношение к своим персонажам намечаются в работах В.В. Виноградова, В.В. Гиппиус, Г.А. Гукковского, С.И. Машинского, И. Золотусского, Н.К. Пиксанова, самого И.А. Есаулова. В их исследованиях отмечается, что Гоголь избегает сатирического, комического и даже иронического в характеристиках старичков. Почти все литературоведы в этой связи констатируют «кидиллический тон» повествования, продолжая тем самым традицию, восходящую к современникам писателя (А.С. Пушкин, Н.В. Станкевич) и литературоведам XIX в. и начала XX в. (Н.А. Котляревский, Д.Н. Овсянко-Куликовский). Целый ряд работ посвящен поэтике повести (Ю.М. Лотман, М.Н. Виролайнен, И.А. Есаулов, В.В. Виноградов и др.).

Противоречивы взгляды исследователей и на отношения главных персонажей. Преобладает мнение, что Гоголь запечатлел идеальных супругов (аналогии с образами Овидия служат в этом случае одним из аргументов). Но есть и иная точка зрения: в отношениях Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны присутствуют признаки скрытого противостояния [7].

Попытаемся восстановить по динамике смыслов в повести «Старосветские помещики» представления Гоголя об отношениях мужчины и женщины, представления, рождающиеся в процессе сближения и одновременно преодоле-

ния тех традиционных взглядов на отношения полов, что сложились в русской патриархальной культуре XIX в.

* * *

В экспозиции повести Афанасий Иванович выглядит человеком крайне зависимым, беспомощным. Он уловлен в «сети» жизни, ее будней и мелочей не только старостью и силой привычки. Средоточием и главным источником его привязанности становится жена, Пульхерия Ивановна. Она скрыто и ненавязчиво управляет мужем с помощью заботы и еды. Неразрывно соединенные, они превратили Афанасия Ивановича в довольно жалкое и в то же время вызывающее чувство умиления подобие старого ребенка. «Иногда Афанасий Иванович, ходя по комнате, стонал. Тогда Пульхерия Ивановна спрашивала:

– Чего вы стонете, Афанасий Иванович?

– Бог его знает, Пульхерия Ивановна, так, как будто немного живот болит, – говорил Афанасий Иванович.

– А не лучше ли вам чего-нибудь съесть, Афанасий Иванович?» [8, с. 16].

«Немного погодя он посылал за Пульхерией Ивановной или сам отправлялся к ней и говорил:

– Чего бы такого поесть мне, Пульхерия Ивановна?

– Чего же бы такого? – говорила Пульхерия Ивановна, – разве я пойду скажу, чтобы вам принесли вареников с ягодами, которых приказала я нарочно для вас оставить?

– И то добре, – отвечал Афанасий Иванович.

– Или, может быть, вы съели бы киселику?

– И то хорошо, – отвечал Афанасий Иванович. После чего все это немедленно было приносимо и, как водится, съедается» [8, с. 15].

Мотив еды играет в «Старосветских помещиках» важную роль. Благодаря ей между мужем и женой выстраиваются отношения, напоминающие зависимость ребенка от матери. Кроме того, с помощью еды «приманиваются» и удерживаются гости. Одна из скрытых причин их радушного привечания, кормления, уговаривания заночевать опять-таки связана, по видимому, с Афанасием Ивановичем. Смутно осознавая, что мужу может быть скучно за бесконечной едой и разговорами о соусах и каше, Пульхерия Ивановна с помощью гостей создает для супруга подобие развлечений. Ведь Афанасий Иванович, как отмечается в самом начале повести, по-детски любопытен и поэтому любит разговаривать с приезжающими к нему. «Он, напротив, расспрашивая вас, показывал боль-

шое любопытство и участие к обстоятельствам вашей собственной жизни, удачам и неудачам, которыми обыкновенно интересуются все добрые старики, хотя оно несколько похоже на любопытство ребенка, который в то время, когда говорит с вами, рассматривает печатку ваших часов. Тогда лицо его, можно сказать, дышало добротой» [8, с. 10].

В бедной впечатлениями жизни разговор с гостем становится единственной отдушиной, своеобразным окном в широкий внешний мир, который влечет Афанасия Ивановича. Но эта тяга удовлетворяется пока только в разговоре. «Я вижу как теперь, как Афанасий Иванович, согнувшись, сидит на стуле с всегдашнею своей улыбкой и слушает со вниманием и даже наслаждением гостя! Часто речь заходила и об политике. Гость, тоже весьма редко выезжавший из своей деревни, часто с значительным видом и таинственным выражением лица выводил свои догадки и рассказывал, что француз тайно согласился с англичанином выпустить опять на Россию Бонапарта, или просто рассказывал о предстоящей войне...» [8, с. 18].

Для привлечения и удерживания гостей Пульхерия Ивановна не ограничивается только многочисленными кушаньями и закусками. В ее «арсенале» есть и бесчисленные настойки, и наливки, о которых она подробно и со знанием дела рассказывает приезжающим. Сильное действие этих напитков уже опробовано на кучере. Он не просто становится пьян, пробуя многочисленные настойки, которые готовит по велению хозяйки, но и «болтает вздор», похожий, наверное, на разговоры гостей с Афанасием Ивановичем. Для посетителей старосветских помещиков эта подлинная цель использования наливок (развлечение Афанасия Ивановича «вздором») сокрыта Пульхерией Ивановной рассказами о целительной силе всех бесчисленных разновидностей горячительных напитков («аптека»).

В свете едва намеченного мотива удержания («уловления») Афанасия Ивановича с помощью еды, заботы и незатейливых развлечений посредством гостей обретает особую значимость описание того, как Пульхерия Ивановна ведет хозяйство: «...Все бремя правления лежало на Пульхерии Ивановне. Хозяйство Пульхерии Ивановны состояло в беспрестанном отпирании и запираии кладовой, в солении, сушении, варении бесчисленного множества фруктов и растений. Ее дом был совершенно похож на химическую лабораторию. Под яблонею вечно был разложен огонь, и никогда почти не снимался с железного треножника котел или медный таз с

вареньем, желе, пастилою, деланными на меду, на сахаре и не помню еще на чем. Под другим деревом кучер вечно перегонял в медном лембике водку на персиковые листья, на черемуховый цвет, на золототысячник, на вишневые косточки, и к концу этого процесса совершенно не был в состоянии поворотить языком, болтал такой вздор, что Пульхерия Ивановна ничего не могла понять, и отправлялся на кухню спать. Всею этой дрянью наваривалось, насоливалось, насушивалось такое множество, что, вероятно, она потопила бы наконец весь двор, потому что Пульхерия Ивановна всегда сверх расчисленного на потребление любила приготавливать еще на запас...» [8, с. 12].

Еда и наливки непосредственно связаны с Афанасием Ивановичем, его аппетитом и детским любопытством, поэтому помещицу почти не интересуют другие статьи хозяйства: хлебопашество, состояние лесов, то есть все, что «вне двора» [8, с. 14]. Афанасий Иванович только делает вид, что следит за косарями и жнецами, а приказчик уже давно догадался, что расспросы о хозяйстве дальше разговоров не идут [8, с. 14]. Но, несмотря на угрозу разорения, неспешному, сытому, размеренному течению жизни помещиков способствует природа. Ее поражающие плодородные силы (описание обильнейших урожаев) выглядят своеобразными «пособниками» Пульхерии Ивановны. С их помощью она не только умудряется поддерживать хозяйство, но и обеспечивает Афанасия Ивановича невероятным разнообразием еды и удовольствий от разговоров с гостями. Помогают в этом Пульхерии Ивановне дворовые девки, которые перерабатывают урожай, делают запасы и готовят еду.

Все эти немногочисленные, но очень органично увязанные контексты, сосредоточенные вокруг Пульхерии Ивановны, отчетливо соотносятся с гендерными представлениями о роли женщины как хранительницы домашнего очага, рачительной и заботливой хозяйки, умело использующей дары природы для осуществления своего предназначения... Даже отношение к Афанасию Ивановичу как к ребенку отчасти продолжает эту череду оттенков значений, поскольку у супругов нет детей и всю нерастраченную материнскую заботу Пульхерия Ивановна обращает на несколько ребячливого по натуре супруга... В этом плане своеобразным венцом исполнения ею своей «женской миссии» предстает ее последняя забота об оставляемом Афанасии Ивановиче. «Я не жалею о том, что умираю. Об одном только жалею я (тяжелый вздох прервал на минуту речь ее): я жалею о

том, что не знаю, на кого оставить вас, кто при-
смотрит за вами, когда я умру. Вы как дитя ма-
ленькое: нужно, чтобы любил вас тот, кто будет
ухаживать за вами.

При этом на лице ее выразилась такая глибо-
кая, такая сокрушительная сердечная жалость,
что я не знаю, мог ли бы кто-нибудь в то время
глядеть на нее равнодушно...

Бедная старушка! она в то время не думала
ни о той великой минуте, которая ее ожидает,
ни о душе своей, ни о будущей своей жизни;
она думала только о бедном своем спутнике, с
которым провела жизнь и которого оставляла
сырым и бесприютным» [8, с. 23].

Замыкает все перечисленные ранее разра-
стания гендерных значений, связанных с
Пульхерией Ивановной и ее отношениями с
Афанасием Ивановичем, мифологическая ассо-
циация с Филемоном и Бавкидой. «Если бы я
был живописец и хотел изобразить на полотне
Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избрал
другого оригинала, кроме их» [8, с. 8]. С этой
ассоциацией связан не только «буколический»
оттенок бытописания, идиллический хронотоп
(семейная жизнь в пространствах природы), но
и появление смыслового оттенка вечности опи-
санного варианта отношений мужского и жен-
ского. Введя эти знаки культуры в самом начале
истории, автор-повествователь намекнул и на
хорошо узнаваемую историю «они жили долго
и счастливо и умерли в один день», и на ее
связь с мифологическими временами, неким
«золотым веком» человечества.

Но именно с этим потоком ассоциаций свя-
зано ощущение самой значительной «бреши» в
гендерных контекстах повести «Старосветские
помещики». Речь идет о финале истории о Фи-
лемоне и Бавкиде. Согласно мифу, боги в на-
граду двум супругам послали не только смерть
в один день, но и возможность остаться вместе
и после смерти в образе двух деревьев, вырос-
ших из одного корня. Гоголь нарушает эти
ожидания, связанные с мифом. Воссоединение
старичков в загробном мире не произошло в
один день, оно отсрочено на несколько лет,
проведенных безутешным Афанасием Ивано-
вичем без своей половины. Причина такого «пе-
реиначивания» мифологической первоосновы –
вмешательство случайностей жизни.

Например, в ходе «ревизии» Пульхерией
Ивановной роши выясняется, что дубки «так-
таки совсем пропали». Сей урон нанесли хозяй-
ству старичков приказчик и войт, о злоупотреб-
лениях которых автор-повествователь довольно
подробно пишет. От них он переходит к расска-
зу о «страшных хищениях» дворовых, ключни-

цы, свиной, кучеров и лакеев, гостей. Так обна-
руживается, что в идиллическом мирке старо-
светских помещиков скрыто присутствуют
жадность, воровство, грозящие разорением и
голодом. Эта едва намеченная возможность не-
ожиданно осуществляется в финале (описание
разоренного имения).

Так постепенно начинает формироваться мо-
тив угрозы краха, разрушения идиллического
мирка. Связан данный мотив с образами муж-
чин: приказчика, войта, наследника. Но не
только с ними. Главным источником подобной
угрозы, как ни странно, становится Афанасий
Иванович. Этот безобидный старичок, забыв-
ший, казалось бы, о своей довольно бурной мо-
лодости (был секунд-майором, увез Пульхерию
Ивановну от родственников), время от времени
любит довольно странно «пошутить». И «шут-
ки» его недвусмысленно связаны с угрозой
уничтожения идиллического пространства или
выхода за его пределы (Афанасий Иванович
готов уйти на войну).

«Иногда, если было ясное время и в комна-
тах довольно тепло натоплено, Афанасий Ива-
нович, развеселившись, любил пошутить над
Пульхерией Ивановной и поговорить о чем-
нибудь постороннем.

– А что, Пульхерия Ивановна, – говорил он, –
если бы вдруг загорелся дом наш, куда бы мы
делись?

– Вот это боже сохрани! – говорила Пульхе-
рия Ивановна, крестясь.

– Ну, да положим, что дом наш сгорел, куда
бы мы перешли тогда?..

– Ну, тогда бы мы перешли в кухню. Вы бы
заняли на время ту комнатку, которую занимает
ключница.

– А если бы и кухня сгорела?

– Вот еще! бог сохранит от такого попуще-
ния, чтобы вдруг и дом и кухня сгорели! Ну,
тогда в кладовую, покамест выстроился бы но-
вый дом.

– А если бы и кладовая сгорела?» [8, с. 17].

«...И тогда Афанасий Иванович часто гово-
рил, как будто не глядя на Пульхерию Ивановну:

– Я сам думаю пойти на войну; почему ж я
не могу идти на войну?..

– Это все выдумки. Так вот вдруг придет в
голову, и начнет рассказывать, – подхватывала
Пульхерия Ивановна с досадою. – Я и знаю,
что он шутит, а все-таки неприятно слушать.
Вот эдакое он всегда говорит, иной раз слуша-
ешь, слушаешь, да и страшно станет.

Но Афанасий Иванович, довольный тем, что
несколько напугал Пульхерию Ивановну, сме-
ялся, сидя согнувшись на своем стуле» [8, с. 18].

Мотив бесстрашия, ужасные картины воображаемого разрушения выглядят явным диссонансом идиллическому мелкопоместному быту. Хотя бы потому, что действительно отчасти пугают Пульхерию Ивановну («да и страшно станет», «грех это говорить»). Так Гоголь, создавая образ Афанасия Ивановича, связывает с ним оттенок угрозы, опасности. Опутанный, казалось бы, сетями быта, «прирученный» с помощью еды и заботы, зависящий от Пульхерии Ивановны, как дитя от матери, он между тем сохранил в душе своей «уголок» свободолюбия. Именно этот мотив пронизывает его «шутки»: утрата спокойной обители и принятие решения, где жить дальше, а также неукротимое желание пойти на войну вопреки угрозам и уговорам жены...

Именно эти мотивы свободолюбия, угрозы разорвать привычные связи, презрения к сытой жизни, отвержения заботы развиваются в одном из ключевых эпизодов, приведших к гибели и разрушению того абсолютно женского духа, что царил в идиллическом и буколическом существовании старосветских помещиков. Это эпизод с бегством кошечки, «печальное событие, изменившее навсегда жизнь этого мирного уголка» [8, с. 19, 20].

Пульхерия Ивановна «нельзя сказать, чтобы... слишком любила ее, но просто привязалась к ней, привыкла ее всегда видеть» [8, с. 20]. И вдруг это «тихое творение», следуя инстинктам, оказалось в компании лесных котов, прорывших дыру-лаз под амбаром и сманивших кошечку в мрачный лес, «как отряд солдат подманивает глупую крестьянку». Возвращение «худой, тощей» беглянки через три дня сопровождается кормлением, подзыванием. Но попытка погладить ее приводит к стремительному бегству в окошко...

На первый взгляд разрушительные последствия этого бегства выглядят несколько странными, так как кошка соотнесена с «особой», принадлежащей к женскому миру и противопоставленной Афанасию Ивановичу, его пристрастиям к собакам. В этом плане поведение животного отдаленно напоминает опрометчивые поступки дворовых девок, с беременностями которых Пульхерия Ивановна научилась мириться...

Но именно бегство не слишком-то и любимой кошечки почему-то производит на нее совершенно исключительное впечатление. Она убеждена, что это смерть ее приходила за ней [8, с. 22]. Читателю остается лишь догадываться о причинах столь странного умозаключения. И одна из основных «подсказок» Гоголя – это

постепенно зреющая угроза разрушения того мирка, что позволял Пульхерии Ивановне удерживать Афанасия Ивановича, «опутывать» и ограничивать свободолюбие его натуры. История с кошечкой показала ее хозяйке, что ни привязанность, ни сытая и обильная еда, ни ласка (материнская) не способны противостоять инстинкту, что рано или поздно некие «коты» (возможно, гости, приходящие из большого и чуждого мира – «леса»), пророчат свои «лазы» (разговоры, вызывающие любопытство Афанасия Ивановича) и «подманят» ее мужа, наивно-го как дитя. И тогда ее мир рухнет в одночасье, породив «грусть», «скуку», неизбежную тоску оставленной матери-жены. Все эти эмоциональные оттенки «проступают» в эпизодах, предшествующих смерти главной героини.

Поэтому в твердой решимости Пульхерии Ивановны умереть смутно угадывается некий последний расчет. Она, очевидно, надеется таким образом удержать Афанасия Ивановича возле себя, привязать его окончательно. Роль таких пут должна сыграть не только посмертная печаль, но то постоянное ощущение отсутствия Пульхерии Ивановны, о котором будут напоминать сотни мелочей, связанных с женой, воспоминаниями о ней. Теперь эти мелочи не дадут угаснуть воспоминаниям Афанасия Ивановича о потерянной супруге, будут постоянно «взывать» к его печали... Так Пульхерия Ивановна нашла свои «подземные ходы» к «амбарам и кладовым» свободы Афанасия Ивановича и, уподобившись кошечке, «выскочила в окно» другого мира. Только это пространство иного рода, нежели «лес», куда сбежала кошечка. Животное, движимое инстинктом, устремилось навстречу любви, ощущениям полноты жизни. Пульхерия Ивановна ускользнула в «лес» потустороннего мира, где царствует смерть. Сделала она это, ведомая не только инстинктивным желанием привязать к себе неугомонного супруга, но и отчасти с расчетом, пусть и неосозанным.

Такого рода расчет Пульхерии Ивановны полностью оправдался. Она не только завешала сшить из ее атласного платья халат для приема гостей, готовить любимые блюда для Афанасия Ивановича, подавать ему всегда чистое белье и платье... На первый взгляд это все та же забота о муже-ребенке («...чтобы после нее Афанасий Иванович не заметил ее отсутствия»). Но на деле она достигает тайно желаемого. Ее скрытый «расчет» обнаруживается в последующих событиях.

Автор-повествователь рассказывает вначале о разительном контрасте «бесчувственных слез» при погребении Пульхерии Ивановны и

горьком потоке слез при виде вынесенного стула умершей после ее похорон... Его недоумение и явная неспособность внятно объяснить причины горя старика возрастают после истории с молодым человеком, потерявшим возлюбленную. Неистовое горе юноши, покушавшегося на свою жизнь, все же угасло. Через год после последней попытки прервать свои мучения он женат и внешне спокоен...

А вот Афанасий Иванович и через пять лет ежеминутно страдает от отсутствия супруги. Каждая мелочь, неудобство, плохой уход – все буквально вопиет о ней (нож без черенка, не столь искусно приготовленные кушанья, нерасторопный мальчик, заставляющий ждать смены блюд, мнишки со сметаной...). Особый эмоциональный всплеск связан именно с любимым блюдом «покойницы». Она как будто оказалась в этот момент третьей за столом (возвращение «кошечки»?) и вызвала слезы, подобные ручью или фонтану.

Странная смерть Пульхерии Ивановны, как будто намеренная, безвременная, не мотивированная серьезными причинами, оказалась тем «ходом конем», который принес победу женщине в ее «уловлении» непокорного мужа. Думая теперь только о ней, ощущая ее присутствие в каждой мелочи и вещи, в нарушенных отношениях с окружающими, он почти полностью превращается в ребенка (описание последнего обеда с Афанасием Ивановичем). Старик, которому подвязывают «слюнявчик», как бы возвращается в младенческое состояние, когда он полностью зависел от матери.

Результатом становится та абсолютная покорность, которой, очевидно, и добивалась Пульхерия Ивановна при жизни. Теперь ее зов из потустороннего мира сразу находит отклик в душе Афанасия Ивановича. Его ответ именно тот, на который и рассчитывала мудрая женщина: это покорность послушного.

Но Пульхерия Ивановна заплатила за свою победу над свободолобием мужа страшную цену. Ее смерть имеет скрытый оттенок самоубийства. Она повлекла разрушение созданного ею же уютного женского мирка (разруха и запустение в поместье). А зов из потустороннего мира в свете сравнения Афанасия Ивановича со свечкой обретает оттенок дуновения смерти, погасившего пламя жизни в несчастном старике. В результате женщина, совершившая почти невозможное – смирившая дух мужчины, – сама кардинально изменилась: превратилась в союзницу смерти (прежде была средоточием жизни и плодородной природы). В свете этих ассоциаций образ Пульхерии Ивановны обретает мис-

тические оттенки. Перейдя в «лес» потустороннего мира, главная героиня, как упоминалось выше, уподобилась кошечке. Ее голос напоминает «лаз», прорытый под «амбары» жизни. Через этот «лаз» она похитила жизнь мужа, а также и его воспоминания.

Отчасти это пиррова победа, так как утративший все перечисленное мужчина превращен в подобие вещи (сравнение со свечкой), в опустошенное тело. А еще раз возникшее уподобление ребенку добавляет ситуации страшный смысловой оттенок: жена-мать, добившись покорности мужа-«дитяти», принудила его к безропотному приятию смерти, стала косвенной виновницей гибели и тяжких страданий супруга (рыдания Афанасия Ивановича).

Но образ покорно принимающего смерть старичка не единственная реакция мужского духа на страшную уловку женщины. В противовес тихой кончине персонажа возникает воспоминание автора-повествователя о том, как он в детстве реагировал на такие «таинственные зовы». Испуганный мальчик бежит от мертвой тишины сада, от прозвучавшего за спиной голоса. Он ищет какого-нибудь человека, один вид которого прогонит мистический ужас, страх смерти. Данный эпизод дополнен обращением к читателю, которому, «без сомнения, случалось слышать голос», называвший его по имени и предвещавший «неминуемую смерть». Эти художественные приемы явно призваны расширить круг смысловых возможностей, связанных с реакцией мужчины на попытки женщины окончательно сковать его свободу, «уловить» дух в «сети» заботы, смерти, воспоминаний о семейной гармонии. Такого рода приемы разрушают однозначную связь мужского гендера только с образом Афанасия Ивановича. Финал повести начинает обретать более масштабные и разновозможные идеи, выходящие за рамки описанной житейской истории старосветских помещиков.

В результате Гоголю удается передать в заключительных эпизодах повести странное двойственное состояние мужчины. На первый взгляд он покорен и готов откликнуться на зов Пульхерии Ивановны и смерти. Его душа, лишенная свободолобия, освобождается также и от разрушительных начал, связанных с образами пожара, войны («шутки» Афанасия Ивановича). Именно они, коренящиеся в воспоминаниях мужчины о молодости, мешали ему войти в гармоничный мир бытовой и природной идиллии, создаваемой и опекаемой женщиной. Но эти воспоминания, как и страшные случайности, потрясения (пожары, войны), неотдели-

мы от жизни. Поэтому создать совершенную идиллию в маленьком бытовом пространстве невозможно (расподобление мифическим героям). Эта цель достижима только в потустороннем мире, соотношенном со смертью. Стремление женщины достичь своей цели разрушает связи мужчины с жизнью, превращая его в подобие безвольного и жалкого ребенка, уподобляя вещи, животному, которое можно «подманить» на голос... Это равносильно убийству мужского духа, чревато обретением его жалкого подобия, но не подлинной сути (описание безропотной смерти Афанасия Ивановича).

Очевидно, именно страх утратить самого себя, свои исконные начала и заставляет мужчину бежать от потустороннего зова женщины. И гонит мужчину прочь не просто банальный страх смерти или инстинкт жизни, такой же сильный, как у ребенка. К мистическому ужасу смерти примешивается едва угадываемый смысловой оттенок последней «ловушки», куда его пытаются загнать. Самое пугающее в такой ловушке – возможность абсолютной тишины и неподвижности. Не случайно описание вдруг замершего, безмолвного сада рождает в ребенке ужас более сильный, чем страх перед ночной бурей в лесу или «всем адом стихий». Наверное, именно такая «мертвая тишина» становится символическим предчувствием той опустошенности духа, что ждет мужчину, принявшего иномирную идиллию, уготованную ему женщиной.

Так в смысловых потоках финала повести сохраняется оттенок разъединения мужского и женского. Именно такой смысловой нюанс обещает продолжение раздумий Гоголя об иных вариантах сближения этих двух начал. Возможно, каждая следующая повесть цикла «Миргород» становится новым этапом такого рода размышлений.

Список литературы

1. Белый А. Мастерство Гоголя. М.-Л.: ГИХЛ, 1934. 322 с.
2. Мережковский Д.С. Гоголь и черт // В тихом омуте. М.: «Советский писатель», 1991. С. 213–309.
3. Розанов В.В. Опавшие листья. М.: Современник, 1992. С. 102–468.
4. Вайскопф М. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. 2-е изд. М.: Изд-во РГГУ, 2002. 686 с.
5. Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. 177 с.
6. Есаулов И.А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н.В. Гоголя). М.: Изд-во РГГУ, 1995. 102 с.
7. Синцов Е.В. Художественное философствование в русской литературе 19 века. Казань: Мирас, 1998. 98 с.
8. Гоголь Н.В. Старосветские помещики // Н.В. Гоголь Собр., соч.: В 7 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1976. С. 7–29.

GENDER AGENDA IN N.V.GOGOL'S STORY «THE OLD WORLD LANDOWNERS»

S.V. Sintsova

Literary characters of male and female genders created by Gogol in the first story of his cycle «Mirgorod» are analyzed. It is revealed that the relations of the main characters are based on the desire of the woman to subdue the man and to turn him into something like a humble child. She achieves this by substituting Afanasiy Ivanovich's memories about the youth – the main source of his love for freedom – by the ones about his dead wife. Having reached the aim at such a dreadful cost, Pulkheriya Ivanovna becomes a symbolistic picture of death and destruction.

Keywords: gender agenda, mystical shades, way of life, child's obedience, love for freedom, life, death.